

венных отношений — русская пореформенная действительность не давала к этому ни малейших оснований, оттолкнуться в своих построениях Щедрина было не от чего. Но он не отвергал возможности приобщения к идеалу через нравственно-идеальное, которое станет основой для новой, гармонической жизни. Нравственный идеал в данный исторический период, по мысли Щедрина, опирается на Совесть, Стыд и Правду, утвердившиеся в душах людей. (Причем социально-нравственное преобладает в нравственно-идеальном у Щедрина.)

Стыд, Совесть, Правда — абстрактные понятия, относящиеся к нравственно-философской системе Щедрина, связаны с проблемой нравственного идеала. Эти понятия в особой последовательности отражаются в творчестве сатирика. В заключительной главе «Дневника провинциала в Петербурге», рассуждая о пенкоснимателях, сатирик привлекает для характеристики этого типа понятие Совесть — «бессовестный человек», «бессовестные дела», «не имеет ясного понятия о человеческой совести». Последние страницы романа «Господа Головлевы» — это рассказ о проснувшейся совести, муках запоздалого раскаяния (Щедрин считает, что способность человека реагировать на голос совести предполагает в нем духовные возможности, пусть даже ничтожно малые). В сказке «Пропала совесть», написанной Щедриным в 1869 г., Совесть становится главным действующим лицом, и выявляется своеобразие этого понятия. Совесть — то составляющее жизнь людей, без которого жизнь возможна, но страшна и жестока. «Всякую болезнь вдруг как рукой сняло...»³. Но если Совесть проснулась в человеке, она способна доставлять невыносимые страдания, и первым испытал это жалкий пропойца. Осуществление понятия Совесть грозит конфликтом. Совесть, пробудившаяся в человеке, который во всем соответствовал духу уродливой жизни, способна только бесплодно мучить. Такому человеку никогда не вырваться из замкнутого круга самобичеваний, его жизнь превращается в пытку. «И прежде кругом была мгла, да и теперь та же мгла, только населившаяся мучительными привидениями; и прежде на руках звенели тяжелые цепи, да и теперь те же цепи, только тяжесть их вдвое увеличилась, потому что он понял, что это цепи» (16, 15).

Человек, плоть от плоти этого несправедливого мира, лишен способности обновления, перерождения, пробуждение Совести не даст благодатных плодов, положительных ценностей. Этот человек слишком связан с неправдой жизни, она управляет его существованием. Его возможности ограничены и связаны, поэтому, когда просыпается Совесть, он оказывается под двойным гнетом, который может раздавить его. Возникает парадоксальная ситуация: обретая Совесть, человек теряет себя. Для такого героя пробуждение Совести катастрофично.

Совести противодействует все другое в жизни, но ее торжество возможно. Проникнув в чистое сердце, не замутненное жизненным неблагообразием, Совесть станет крепнуть и расти. А потом маленькое русское дитя, в чьем сердце приютится Совесть, выйдет в люди. И тогда все изменится в мире. Новый герой, который сольется в одно с Совестью, станет утверждением победы Совести над неправдами, коварствами и насилиями.

Стыд, о котором рассказывается в «Заключении» «Современной идиллии», тесно связан с понятием Совесть. Стыд воздействует на человека, так же, как и Совесть: героев охватывает «тоска проснувшегося Стыда». Тоска Стыда требовала сознательного разрешения (это подчеркивается писателем), заставляла размышлять о каком-то выходе. Герои мучаются, но не отвергают свое мученье и даже понимают необходимость пока еще неясных им действий, которых требует от них Стыд. Понятие Стыд вобрало в себя и оценку всего, происходящего вокруг, и потребность осмыслить

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 томах. М., «Художественная литература», 1965—1974, т. 16, с. 14 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы).